

Ю.Г. Чернышов

БЛОССИЙ ИЗ КУМ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСУЛЬТАНТ¹

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на пленарном заседании XI Сергеевских чтений (исторический факультет МГУ, 29 января 1999 г.). В шпалоте ключевая тема затронута в работе: Чернышов, 1998.

² Почепцов, 1998: 264.

³ Матвейчев, 1998: 30 и сл.

Современные исследователи нередко ставят вопрос: можно ли точно определить ту эпоху, когда впервые появились профессии политического консультанта, имиджмейкера, специалиста по связям с общественностью? Некоторые полагают, что это произошло лишь «в результате индустриальной революции, когда монополисты ощутили недостаточность методов управления только производственной сферой»². Существует и другой подход, согласно которому история политического консалтинга и PR уходит гораздо дальше в глубину веков: уже в первобытных племенах подобные функции выполняли шаманы и старейшины, а в древнем мире «имиджмейкерами» и политическими советниками нередко становились жрецы и астрологи, философы и риторы³. Для того чтобы понять, какая из этих точек зрения ближе к истине, было бы полезно обратиться к конкретно-историческим исследованиям. В связи с этим я хотел бы привлечь внимание читателей к одному малоизвестному, но весьма интересному персонажу, отдаленному от нас расстоянием более чем в два тысячелетия.

* * *

Во второй половине II в. до н.э. Римская республика и многие эллинистические государства почти одновременно вступили в полосу политической нестабильности. Ослабление государственной власти, как правило, сопровождалось резким обострением социальных конфликтов: очаги социальной борьбы вспыхнули в Риме и Италии, на Сицилии и Делосе, в Аттике и Пергаме. Это «смутное» время породило немало ярких политиков – харизматических реформаторов и узурпаторов, которые пытались использовать социальное недовольство для достижения собственных целей. В окружении таких политиков иногда находились философы – помощники и консультанты, одним из которых был стоик Блоссий.

Судьба этого человека удивительна и трагична: он был советником Тиберия Гракха, после гибели последнего бежал в Пергам к Аристоннику, поднявшему восстание против Рима, а после поражения восстания покончил жизнь самоубийством. Ученые-историки оценивали эту фигуру далеко не однозначно. Одни из них лишь кратко упоминали о нем, считая его второстепенным персонажем, другие (например, А. Тойнби) явно превозносили, называя «эллинистическим прототипом Маркса»⁴. Как бы то ни было, Блоссий привлекал внимание ученых в основном лишь как участник важнейших исторических событий своего времени: реформ Тиберия Гракха и восстания Аристонника. Одна-

⁴ Тойнби, 1939: 180.

ко жизнь этого философа заслуживает специального рассмотрения еще и потому, что она являет собой *один из самых ранних и ярких примеров деятельности политического консультанта.*

Кумы

Гай Блоссий был родом из города Кумы в Кампании. В связи с недостатком подробных сведений о раннем периоде его жизни целесообразно обратиться к сообщениям источников о его родовых корнях и семейных традициях, тем более что в древности это имело важное значение. В свое время данная тема была подробно исследована в специальной статье «Блоссий из Кум» Д.Дадли⁵, который обнаружил свидетельства Тита Ливия о вероятных предках интересующего нас персонажа.

⁵ Dudley.
1941: 94–99.

Эти сведения относятся еще ко временам войны Рима с Ганнибалом, когда представители влиятельного сабельского рода Блоссиев заняли откровенно антиримскую позицию. В 216 г. до н.э. кампанский претор Марк Блоссий выступил за союз с Ганнибалом, а шесть лет спустя «170 кампанцев во главе с братьями Блоссиями (Blossii fratres)» сговорились «в одну ночь, в один час» поджечь построенные из дерева и соломы хижины близ Капуи, где расположились римские солдаты. Рабы из рода Блоссиев донесли о заговоре, заговорщиков схватили и казнили, а рабам даровали деньги и свободу (Tit. Liv., XXIII, 7, 8–9; XXVII, 3, 4–5).

Можно предположить, что эти события впоследствии негативно отразились на судьбе Гая Блоссия, поскольку в исторической памяти римлян род Блоссиев, скорее всего, запечатлелся как род *заговорщиков-поджигателей*. Напомню, что римляне считали поджигателей самыми опасными преступниками: в условиях скученной застройки Рима поджог приводил к поистине катастрофическим последствиям, и огонь нес бедствие всем без разбора. Не случайно в различные эпохи обвинение в поджоге Рима использовалось как сильнейшее средство «контрпропаганды» и дискредитации противников, которых хотели представить «экстремистами». Именно это обвинение предъявлял Цицерон сторонникам Катилины, именно его выдвинули римские власти против христиан после знаменитого пожара столицы империи при Нероне (в 64 г.).

Гай Блоссий, как считает Д.Дадли, унаследовал от своих предков демократические взгляды и негативное отношение к римскому нобилитету, что подтолкнуло его к выбору радикального течения в стоицизме⁶. Его учителем в Афинах был Антипатр из Тарса (города на юго-востоке Малой Азии). Судя по всему, Блоссий оказался способным учеником: позднее Антипатр даже посвятил ему некоторые свои философские трактаты (Plut., Tib. Gr., 8; Marius, 46; De tranq. An., 9). Думается, что в стоицизме Блоссия привлекала идея изначального равенства людей, а также связанная с ней идея «согласия», которое должно царить в обществе.

⁶ Dudley. 1941: 96.

Рим

В Риме Блоссий поселился в качестве гостя в семье Публия Муция Сцеволы, сторонника аграрного закона, предложенного народным трибуном Тиберием Гракхом. Возможно, именно через сво-

его гостеприимца Блоссий и познакомился со старшим из братьев Гракхов, вскоре став его советником и помощником во всех начинаниях. Античные авторы подчеркивают, что Тиберия Гракха настойчиво «подстрекали» к реформам философ Блоссий из Кум и ритор Диофан, беглец с острова Митилены (как и Блоссий, Диофан, вероятно, принадлежал к «радикалам»; после гибели Гракха он был привлечен к суду и казнен).

Подробное рассмотрение предложенных Тиберием Гракхом реформ (133 г. до н.э.) выходит за рамки данной статьи. Отмечу лишь, что его первоначальный, весьма умеренный проект перераспределения земельной собственности (в пользу обезземеленных крестьян) должен был возобновить действие древнего закона о земельном максимуме. Тиберий видел свою цель в восстановлении прежнего сословия земледельцев-воинов как главного оплота Республики. Но этот проект встретил ожесточенное сопротивление со стороны крупных земельных собственников, нобилитета. Далее сама логика борьбы за реформу привела к радикализации действий Тиберия Гракха: он противопоставляет себя сенату и апеллирует к народному собранию, вопреки обычаям смещает противодействовавшего ему народного трибуна Октавия, словом, предпринимает смелые и необычные шаги, направленные на снисkanie широкой общественной поддержки. Именно с этого момента и берет свое начало борьба популяров с оптиматами, закончившаяся гражданскими войнами и установлением империи.

В условиях столь тяжелой борьбы Тиберий Гракх несомненно нуждался в грамотных советниках и помощниках. Следы их деятельности можно обнаружить даже по тем скудным сведениям, которые сохранили источники. Так, откровенно популистская фразеология в публичных выступлениях Гракха, на мой взгляд, почти наверняка испытала на себе влияние Блоссия. Косвенным подтверждением этому может служить следующий пассаж из его речи, передаваемый Плутархом: «Народный трибун... призван защищать интересы народа... Пусть он разрушил бы Капитолий, поджег арсенал, и такого трибуна можно было бы в крайности терпеть. Поступая так, он был бы дурным трибуном; но тот, кто ниспровергает демократию, уже не трибун» (Plut., Tib. Gr., 15). Откуда у Тиберия могла появиться эта весьма странная мысль о трибуне – поджигателе? Тема поджога, как уже говорилось, сопровождала именно Блоссия.

Вскоре после гибели Тиберия Гракха Блоссий был подвергнут допросу, на котором вновь прозвучал этот «поджигательский» мотив. Консул спросил его, выполнил бы он волю Тиберия, если бы тот приказал ему поджечь Капитолий. Блоссий сначала отговаривался тем, что Тиберий не мог такого приказать, но, когда многие стали настаивать на прямом ответе на вопрос, сказал: «Я сделал бы это и поступил бы хорошо, так как Тиберий не отдал бы такого приказа, если бы оно не было полезно народу» (Cic., Lael., 37; Val. Max., 4,7,1; Plut., Tib. Gr., 20). Таким образом, именно Блоссий, имевший в своем роду

«заговорщиков-поджигателей», мог способствовать актуализации темы поджога в речах Тиберия Гракха.

О том, что Блоссий выступал в роли «спичрайтера» Тиберия, косвенно свидетельствуют и другие факты. Исследователи давно уже обратили внимание на то, что идея народного суверенитета, взятая на вооружение Тиберием, больше соответствовала не римскому, а греческому пониманию свободы (элеветрии)⁷. Не исключено, что к числу «подсказанных» римскому реформатору удачных речевых оборотов, взятых из арсенала греко-восточной мудрости, относятся слова о том, что даже дикие звери в Италии имеют свои логовища и норы, а римляне, умирающие за родину, не имеют ничего, кроме воздуха и света, они лишены крова, алтарей и клочка земли (Plut., Tib. Gr., 9). Эта фраза удивительным образом перекликается с более поздним евангельским мотивом: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мтф., 8, 20; Лк., 9, 58).

В некоторых случаях Тиберий явно нуждался в срочных «подсказках» своего советника. Один из его противников – Анний, известный своим умением «ставить вопросы и давать ответы», вызвал его на публичный спор по поводу законности отстранения от должности трибуна Октавия. Вот как описывает этот «диспут» Плутарх: «Анний, который не мог равняться с Тиберием ни красноречьем, ни славой, поспешил прибегнуть к своему излюбленному средству и попросил, чтобы до своей речи Тиберий ответил ему на один маленький вопрос. Тиберий согласился, и среди наступившей тишины Анний сказал: «Если бы ты захотел меня оскорбить и обесчестить, а я обратился бы за помощью к одному из твоих товарищей; если бы затем он встал на мою защиту, а ты разгневался бы, – то отнял бы ты у него власть?». Вопрос, говорят, так затруднил Тиберия, этого искуснейшего оратора, отличавшегося смелостью речи, что на этот раз он промолчал» (Plut., Tib. Gr., 14). Как видим, Тиберий славился в основном теми речами, которые были подготовлены заранее (вероятно, с помощью Блоссия), но неожиданный простой вопрос на ту же самую тему мог поставить его в тупик.

Наконец, некоторые эпизоды характеризуют Блоссия и как довольно грамотного «имиджмейкера». Приведу лишь один пример. Накануне своей гибели Тиберий получил сразу несколько неблагоприятных знамений: выходя из дома, он так ударился ногой о порог, что ноготь большого пальца оказался сломанным и сквозь обувь выступила кровь; один из дерущихся на крыше воронов сбросил прямо к его ногам камень (по античным поверьям – явное предвестие смерти). Даже самые смелые приверженцы Тиберия пришли от этого в смятение, но Блоссий вернул «патрону» твердость духа словами: «Велик будет стыд и позор, если Тиберий, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовется на призыв сограждан; в стане врагов этот позор Тиберия, конечно, не вызовет смеха, но они не замедлят прокричать в народе, что он своевольничает и ведет себя как тиран» (Ibid., 17).

См.: Протасова,
1923: 40.

В этой реплике Блоссия есть все: и психологический расчет, что в Тиберии необходимо срочно пробудить тщеславие; и понимание, что Тиберий, относящий себя к просвещенным римлянам, не захочет казаться рабом суеверия; и предвидение тех контрпропагандистских ходов, которые предпримут противники Тиберия, если тот не явится в народное собрание. В том, что в данном случае Блоссий не ошибался, убеждает распространенный одним из сенаторов слух, что прибывший из Пергама посол Эвдем уже передал диадему и порфиру пергамских царей Тиберию – «как лицу, которому предстоит царствовать в Риме». Слух был нелепым, но оттенок достоверности ему придавало то, что этот сенатор проживал по соседству с Тиберием и якобы «сам все видел». Поскольку стремление к царской власти расценивалось римлянами в республиканскую эпоху как тягчайшее преступление, подобный «компромат» по сути дела ставил Тиберия вне закона.

Прав ли был Блоссий как советник, если воодушевленный им на решительные действия Тиберий Грахх жестоко просчитался: он был убит вскоре после того, как появился в народном собрании? Политические страсти были накалены до предела, и Блоссий не мог не предвидеть вероятности столь трагического исхода. Но в том-то и суть, что Блоссий, похоже, не был *заурядным исполнителем и советником-слугой*, для которого главное – спокойное благополучие патрона (а значит, и свое собственное). Блоссий сознательно подталкивал Тиберия на все более опасную борьбу с теми, кого он, по-видимому, считал своими «принципиальными» противниками. Последовавшее за гибелью Тиберия бегство Блоссия из Рима в Пергам стало вполне логичным следствием такой позиции.

Пергам

Почему Блоссий направился именно в Пергамское царство? Чтобы понять это, необходимо хотя бы вкратце изложить предшествовавшие события, втянувшие многих римлян в водоворот пергамской политики.

Пергамское царство возникло на территории Малой Азии в 280 г. до н.э. Пока Рим был занят подчинением Греции и Македонии, он использовал Пергам в качестве союзника; когда же римские владения подошли вплотную к Малой Азии, римляне начали строить планы о присоединении этого царства к своим территориям. Благоприятный случай представился, когда в Пергаме умер царь Аттал III (138–133 гг. до н.э.): именно после этого в Риме появился уже упоминавшийся посланец Эвдем, сообщивший сенату, что в своем завещании Аттал передал все царство римскому народу. Обстановка в Пергамском царстве и до того была весьма нестабильной, а сенсационная весть о завещании вызвала широкое возмущение. Распространились слухи, что подлинное завещание царя было подменено римлянами (Justin., XXXVI, 4; Eutrop., IV, 2; Oros., V, 10, 1 etc.). Судя по всему, они имели некоторые основания. Во всяком случае, многие современные исследователи склоняются к мысли о том, что Эвмен завещал Риму лишь собственные царские владения, а городам даровал свободу⁸.

⁸ См.: Колобова, 1962: 553–554; Hansen, 1947: 141.

Этим недовольством и воспользовался Аристоник – побочный сын предпоследнего пергамского царя Эвмена II (некоторые источники уточняют, что он был рожден наложницей, дочерью кифариста из Эфеса)⁹. Ссылаясь на свое царское происхождение, Аристоник предъявил претензии на престол и начал военные действия в прибрежных районах Малой Азии. Однако многие греческие города заняли сторону Рима, и в морском сражении близ Кимы Аристоник потерпел сокрушительное поражение. На этом закончился первый этап восстания, поскольку позднее Аристоник резко изменил тактику своих действий.

Вот что сообщает по этому поводу Страбон: «Разбитый эфесцами в морском сражении при Киме, он бежал из Левк во внутренние области страны и быстро собрал большое количество неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе. Своих сторонников Аристоник назвал гелиополитами» (Strabo, XIV, 1, 33). Что может означать это название, я попытаюсь выяснить в следующем разделе. Здесь же следует отметить, что столь резкая смена тактики могла произойти не только под влиянием обстоятельств (военного поражения), но и по совету Блоссия, который приблизительно в это время прибыл к Аристонику из Рима. Такое предположение уже высказывалось в научной литературе. Так, английский историк Дж. Фергюсон выдвинул гипотезу, что Блоссий, присоединившись к Аристонику, предложил ему для привлечения новых сторонников своеобразную идеологическую программу, основанную на утопической идее «государства Солнца»¹⁰.

Как бы то ни было, передаваемые античными авторами краткие описания последующих событий содержат лишь сводки военных действий. Вначале Аристоник добился определенных военных успехов, однако против него направили свои войска не только римляне, но и цари многих соседних стран. В 130 г. до н.э. Аристоник был разбит близ города Стратоникея и после осады этого города римлянами был вынужден сдаться в плен. Его доставили в Рим, где и задушили в тюрьме.

Так погиб в неравной борьбе еще один «патрон» Блоссия, а сам философ, не желая попасть в руки римлян, покончил жизнь самоубийством. Этот последний поступок Блоссия помогает лучше понять его принципиальную позицию: он крайне враждебно относился к правившему в Риме нобилитету, и его поездка в Пергам была поездкой в тогдашний центр антиримской борьбы в Средиземноморье. Аристоник вряд ли был интересен Блоссию как претендент на пергамский престол. Помогая ему своими советами, Блоссий, вероятно, вновь (как и в случае с Тиберием Гракхом) пытался *использовать своего «патрона»* для достижения целей, которые были близки ему самому.

Гелиополис (?)

Я поставил знак вопроса в заголовке данного раздела, чтобы подчеркнуть повышенную гипотетичность тех выводов, которые исследователи делают, так или иначе говоря о «гелиополитах» – гражданах города Гелиоса (Солнца). По сути, в нашем распоряжении имеется лишь приведенное выше краткое сообщение Страбона, в котором

⁹ Wilcken, 1896: 962–964.

¹⁰ Ferguson, 1975: 144.

никак не разъясняется смысл использованного Аристоником термина. Недостаток информации многие историки пытаются компенсировать богатством воображения: на тему «гелиополитов» написаны десятки статей и даже отдельные монографии¹¹. Не вдаваясь в детали, охарактеризую две крайние позиции по вопросу о возможном отношении этого сюжета к идеологии восстания Аристоники.

Первая из двух точек зрения была особенно популярна в конце XIX – начале XX вв., когда многие исследователи всячески пытались найти в истории древнего мира прямые параллели тогдашней «борьбе за социализм». Еще в «Истории античного коммунизма и социализма» Роберт фон Пельман высказал мысль о том, что Блоссий приехал к Аристонике, так как тот пытался установить более совершенный общественный строй, описание которого встречалось в утопическом романе Ямбула о счастливых «островах Солнца»¹². Рассматривая в «Истории коммунизма» социальные движения того времени (восстание рабов на Сицилии, движение Тиберия Гракха, волнения рабов на Делосе и в Аттике, восстание Аристоники), французский ученый Жерар Вальтер пришел к заключению, что это была «первая интернациональная революция трудящихся»¹³. В еще более утрированном виде подобный подход проявился в приводившейся выше характеристике Блоссия как «эллинского прототипа Маркса» (А. Тойнби).

Сходные оценки встречались и в советской историографии, хотя источником идеологии гелиополитов отечественные историки считали не столько роман Ямбула, сколько солярные культы Малой Азии. Так, А.В. Мишулин писал: «Всю эту массу поднявшихся рабов и крестьянства Аристоник сумел объединить одной идеей. Он нарисовал им программу движения, конечной задачей которого была организация «государства солнца». Это государство... должно было основываться на свободе и братстве... На Востоке, в частности в областях Пергама, широко распространен был культ бога солнца... Символ солнца становился как бы знаменем революционного выступления масс рабов и бедноты»¹⁴. В более поздних работах советских авторов «революционная» терминология исчезла, но сам тезис об утопической идеологии, опиравшейся на популярные в народе солярные культы, сохранил ведущее положение¹⁵.

Другая крайность в историографии представлена, на мой взгляд, попытками доказать, что у восстания вообще не было никакой утопической идеологии. Истоки этой концепции восходят также к XIX в. Крупнейший специалист в области римской истории Теодер Моммзен утверждал, что в слове «гелиополиты» нет ничего необычного: так могли называть вольноотпущенников, которым Аристоник в качестве платы за поддержку даровал гражданские и имущественные права в новом городе Гелиополисе¹⁶. В пользу такой версии говорит то, что источники ничего не сообщают нам о каких-либо экстравагантных социальных экспериментах Аристоники (в эпоху обострения социальных конфликтов различные политики нередко освобождали примк-

¹¹ *Новейшие обзоры историографии см.: Чернышов, 1994: 54–60; Климов, 1998: 48–52.*

¹² *Пельман, 1910: 491–492.*

¹³ *Walter, 1931: 551. Подробный обзор такого рода оценок см.: Vogt, 1975: 83–92.*

¹⁴ *Мишулин, 1936: 67.*

¹⁵ *См., напр.: Голубцова, 1977: 209.*

¹⁶ *Моммзен, 1937: 55, прим. 2.*

нувших к ним рабов). Современные исследования дают этой гипотезе дополнительные подтверждения. Так, детальное изучение градостроительной политики пергамских царей показало, что они довольно часто основывали, перестраивали и переименовывали города, поселяя там своих наемников. Особенно важен пример с постройкой города Дионисополис («город Диониса»): найденная в том районе надпись упоминает даже «народ (т.е. гражданскую общину) дионисополитов»¹⁷. На этом фоне Гелиополис и гелиополиты действительно мало чем отличаются от Дионисополиса и дионисополитов.

¹⁷См.: Климов, 1998: 120–126.

Думается, что такая «прозаическая» версия имела бы все основания считаться наиболее правдоподобной, если бы не участие в рассматриваемых событиях столь колоритной фигуры, как Блоссий. Разумеется, сам Аристоник вряд ли был убежденным утопистом: считая себя законным престолонаследником, он начал восстание лишь для того, чтобы отвоевать «свое» царство. Не случайно в первый период восстания ни о каких «гелиополитах» не было и речи. Кстати, на чеканившихся Аристиком последних монетах он уже именовался «царь Эвмен», т.е. был представлен в качестве прямого продолжателя династии пергамских царей¹⁸.

¹⁸Robinson, 1954: 1–8.

Можно предположить, что по прибытии к Аристикону Блоссий действовал не менее энергично и целеустремленно, чем в Риме. Вероятно, именно он посоветовал Аристикону сменить тактику после поражения в прибрежных районах Малой Азии. В тот момент Аристикон остро нуждался в новых сторонниках, и Блоссий с его богатейшим опытом «работы с массами» подсказал ему, как их привлечь. Он сумел найти ключевую идею («message», как говорят современные специалисты), которая притягивала к Аристикону людей, принадлежавших к самым разным религиозно-этническим и социальным группам.

Существующие в историографии две «крайние» точки зрения по поводу содержания этой идеи, на мой взгляд, не столь непримиримы, как кажется. Возможно, Блоссий посоветовал Аристикону использовать популярные солярно-утопические идеи, встречавшиеся и в местных религиозных культах, и в стоической философии, и в утопическом романе Ямбула (вопрос о датировке этого произведения, пронизанного стоическими идеями «согласия», остается открытым, однако ничто не мешает предположить, что его автором был кто-то из современных Блоссию стоиков либо даже сам Блоссий). Но это отнюдь не противоречит версии о том, что Гелиополис мыслился как *реальный город, как новая колония для приверженцев Аристоники, которые после окончания войны получили бы там гражданские права и землю. Вероятно, именно будущих жителей этой колонии и называли гелиополитами.*

При таком подходе вновь вырисовывается своеобразие фигуры Блоссия-консультанта, который прежде уже пытался вместе с Тиберием Гракхом добиться раздачи земель римским беднякам. Теперь он мог предложить Аристикону нечто сходное – наделить бедноту и освобожденных рабов землей в основанной для них колонии с символи-

ческим названием Гелиополис. Идея оказалась привлекательной: Аристонику удалось мобилизовать массу приверженцев, и его чуть было не угасшее восстание вспыхнуло с новой силой. Таким образом, и здесь, как в случае с Тиберием Гракхом, Блоссий своими советами способствовал радикализации движения, вовлечению в него все новых участников. Впрочем, исход этих движений тоже оказался во многом одинаковым: оба они были подавлены с помощью вооруженной силы, а их вожди погибли.

Напомню, что Блоссий был не столько «советником-слугой», сколько «идейным» консультантом. Помогая своим «патронам», этот философ, похоже, исходил из представлений о необходимости более справедливого (близкого к уравнительному) распределения земельной собственности. Иными словами, если он и был утопистом, то отнюдь не коммунистического (как утверждали многие ученые), а скорее *эгалитаристского толка*. В этом отношении его взгляды были близки к воззрениям другого «консультанта-стоика» эллинистической эпохи — Сфера из Борисфена, который проповедовал возрождение «общины равных» в Спарте и тем самым идеологически обосновывал деятельность царя-реформатора Клеомена III (235–221 гг. до н.э.).

Что же касается самих «консультируемых» политиков, то для них использование утопических эгалитаристских идей, как правило, оставалось лишь одним из средств достижения вполне конкретных и прагматичных целей. Можно уверенно констатировать, что это было вполне в духе времени. Многие позднегреческие тираны — например, Агафокл на Сицилии и Набис в Спарте — весьма охотно прибегали к социальной демагогии, освобождению рабов и частичным переделам собственности. Однако конечным итогом всех этих манипуляций было лишь устранение политических противников и установление режима личной власти.

* * *

Подводя итог, я хотел бы вернуться к вопросу, поставленному в начале статьи: когда же все-таки появилась профессия политического консультанта?

Разумеется, политический консалтинг как определенный вид профессиональной деятельности, т.е. в «узком» смысле слова, получил распространение лишь в условиях индустриальной цивилизации, которая породила не только повышенную потребность, но и массу дополнительных возможностей для манипуляции общественным сознанием (политические партии, СМИ и т.д.). Однако и в более ранние эпохи встречались деятели (философы, риторы, предсказатели и др.), для которых политическое консультирование было фактически призванием. Эти люди помогали политикам принимать обдуманное решение, пытались строить прогнозы, сочиняли речи и «программы», способствовали формированию «имиджа» своих «клиентов». Далеко не всегда они были лишь «исполнителями» либо «слугами». Многие из таких консультантов зачастую направляли или корректировали

действия политиков, оказывая существенное влияние на развитие событий. Именно поэтому столь поучительно обращение к наиболее ярким страницам истории политического консалтинга. *Во все времена политическое консультирование в «широком» смысле было неизменным атрибутом серьезной политики, и его можно считать ровесником человеческой цивилизации.*

Библиография

- Голубцова, Е.С. 1977. *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I – III вв. М.*
- Климов, О.Ю. 1998. *Царство Пергам: очерк социально-политической истории.* Мурманск.
- Колобова, К.М. 1962. «Аттал III и его завещание». В: *Древний Мир.* М.
- Матвейчев, О.А. 1998. *Что такое политический консалтинг?* Екатеринбург.
- Мишулин, А.В. 1936. *Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до н.э.* М.
- Моммзен, Т. 1937. *История Рима.* Т. 2. М.
- Пельман, Р. 1910. «История античного социализма и коммунизма». В: *Общая история европейской культуры.* Т. 2. СПб.
- Почепцов, Г.Г. 1998. *Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением.* М.
- Протасова, С. 1923. *Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов.* В: *Из далекого и близкого прошлого.* Пгр.-М.
- Чернышов, Ю.Г. 1994. *Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1.* Новосибирск. Изд. 2-е.
- Чернышов, Ю.Г. 1998. «Интеллигенция и власть: одна из «вечных» тем истории». *Дневник Алтайской школы политических исследований. № 5. Интеллигенция и власть.* Барнаул. URL: <http://his.dcn-asu.ru/ashpi/asp/dn5/html>.
- Dudley, D.R. 1941. «Blossius of Cumae». *Journal of Roman Studies:* 31.
- Ferguson, J. 1975. *Utopias of the Classical World.* L.
- Hansen, E. 1947. *The Attalids of Pergamon.* Ithaca, N.Y.
- Robinson, E.S. 1954. «Cistophori in the Name of King Eumenes». *Numismatic Chronicle:* 14.
- Toynbee, A.J. 1939. *A Study of History.* Vol. 4. L.
- Vogt, J. 1975. *Ancient Slavery and the Ideal of Man.* Cambridge, Mass.
- Walter, G. 1931. *Histoire du communisme.* Т. 1. P.
- Wilcken, U. 1896. «Aristonikos». In *Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart, Bd. 2.